

УДК 1(091)

АПОЛЛОНОВСКОЕ И ДИОНИСИЙСКОЕ НАЧАЛА КАК ДВА ЛИКА ГЕНЕАЛОГИИ ВЛАСТИ М. ФУКО

В.В. Смирнов

ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», г. Тверь

События 1968 г. изменили образ мысли многих философов Франции. Ранее индифферентные к политическим вопросам интеллектуалы, начиная с этого события, развернули многочисленные спекуляции вокруг проблемы власти. Одним из первых откликнулся на вызовы времени Мишель Фуко. Начиная с 1968 г. он отходит от прежних методологических установок и становится тем, кем, по его мнению, должен быть по праву – «ницшеанцем». С этого момента он открыто разворачивает генеалогический проект власти, начатый Ницше.

Ключевые слова: генеалогия власти, генеалогия, власть-знание-желание, паноптикум, микрофизика власти, дискурс, дискурсивная практика, диспозитив сексуальности.

1. Понятия «генеалогия» и «власть»

Что такое генеалогия и чем она отлична от обыкновенной истории? Постараемся понять и ответить на этот вопрос. В «Генеалогии морали», параграфе 6 Ф. Ницше пишет: «Нам необходима критика моральных ценностей, сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос – а для этого необходимо знание условий и обстоятельств, из которых они произросли» [3, с. 383].

Таким образом, согласно Ницше, проект генеалогии возникает из критики морали, а сама генеалогия понимается как нахождение не идеальной причинности существования вещей и концептов, например, понятий добра и зла как трансценденций верховного божества, а вполне земных единичных событий в их многочисленных сплетениях, никоим образом не образующих всеобщностей, которые служат большим подспорьем моралистам. Чем вызвана такая неприязнь к традиционной христианской морали со стороны Ницше? Он объясняет это тем, что мораль – средство, приводящее к подчинению человека, делающее его слабым и больным физиологически, к подавлению природной воли к власти каждого человека. «Мораль против воли к власти» в то же время сама выступает как властная воля. Категория целого, которым оперирует христианская мораль, – способ принятия человеком своей ценности таким образом, что его деятельность будет отсылкой к фундаментальной причине, размышления над которой заставят держать его в тенетах борьбы со страстями, желаниями, контролировать его поведение им же

самим. В морали все люди равноценно гомологичны. Поэтому основными задачами генеалогии морали являются:

- раздробление моральной категории всеобщности и центральной причинности: «Причина вымышляется после того, как действие уже совершилось» [2, с. 279];

- демонстрация необходимости здоровья тела вместо тщедушной и призрачной души: «Здоровье тела – здоровье души» [2, с. 87];

- открытие бессознательных потребностей, движущих человеком, в т. ч. сексуальных: «Сострадание и любовь к человечеству как известная степень развития полового влечения» [2, с. 164];

- закрытие категории его благодаря элиминации категории субъекта: «Субъект только фикция – его, о котором говорят, когда порицают эгоизм, совсем не существует» [2, с. 215];

- провозглашение отсутствия моральных явлений и фактов, признание существования только интерпретаций: «Нет, именно фактов не существует, а только интерпретации. Да и нужно ли наконец позади интерпретаций помещать еще и интерпретирующего?» [2, с. 281];

- рассмотрение познания как инструмента власти: «Познание работает как орудие власти. Поэтому совершенно ясно, что оно растет соответственно росту власти» [2, с. 280];

- оценка жизни как воли к власти: «Сфера властвующего или постоянно растет, или же под влиянием то благоприятных, то неблагоприятных обстоятельств периодически расширяется и сокращается» [2, с. 393].

Представленный список не является точной фиксацией четких стратегий Ницше. Нет, немецкий философ был не таков ни по темпераменту, ни по образу мысли. Через него вещало дионисийское начало – громко и безумно. Он был критиком страсти и поэзии, критиком Диониса. В то время как Фуко являл собой другой лик ницшеанства – критику аполлонистического типа, критику как инструментально выверенный, тщательный и последовательный анализ. То, что кричало в Ницше, у Фуко говорило стратегически рассудительно. Что гоготало, сотрясая всякую мораль у Ницше, у Фуко произносилось «тоном ироничным и разочарованным». Поэтому проанализировать данный список, превратить его в четко очерченные стратегические позиции предстояло именно Фуко. Критику всеобщей истории и причинности мы можем увидеть в «Археологии знания». Но более подробно относительно концепции Ницше данная стратегия рассмотрена в статье 1971 г. «Ницше, генеалогия, история». Фуко выводит 3 модальности истории в рамках генеалогии:

1. Пародийно-деструктивное использование реальности. «Генеалогия – это история как заранее подготовленный карнавал» [7].

2. Диссоциативно-деструктивное использование идентичности, которое противопоставляется традиции, истории-континуальности. «История, генеалогически направляемая, имеет целью не обнаружить корни нашей идентичности, но, напротив, упорствовать в ее рассеивании» [7].

3. Сакрально-деструктивное использование истины, которое противоположно истории-познанию. «Воление/знание не приближает всеобщую истину ... оно разбивает единство субъекта; оно высвобождает в нем все то, что в нем настаивает на его растворении и разрушении» [7].

Генеалогия – деструкция традиционной истории, но также и деструкция своих собственных понятий об истории, она есть рефлексия по отношению к общезначимым категориям и вопрошание к самому себе. По сути, генеалогия – проект деконструкции, о которой впоследствии будет увещевать Деррида. Последний отмечает, что до него были, по меньшей мере, три деконструктивиста – Ницше, Хайдеггер и Фрейд. И действительно в «Воле к власти» от нашего взора не может ускользнуть единственный пассаж (§ 417) во всем трактате, мысль которого больше нигде не повторяется, а оттого приобретает особую ценность:

«Мое первое решение – дионисовская мудрость. Наслаждение в уничтожении всего благороднейшего... как наслаждение грядущим, будущим, которое одерживает победы над существующим, как бы хорошо оно ни было... Мои нововведения:

1. Моя борьба против упадка и всевозрастающей слабости личности. Я искал нового центра.

2. Познал неосуществимость этого стремления.

3. Затем я пошел дальше по пути разложения – в этом нашел я для немногих новые источники силы. Мы должны быть разрушителями! Я познал, что состояние разложения, в котором единичные личности могут достигать небывалой степени совершенства, является отображением и частным случаем всеобщего бытия. Против парализующего ощущения всеобщего разрушения и неоконченности я выдвинул идею вечного возвращения» [2, с. 240].

Насколько неисповедимы тропы господни, настолько парадоксальна судьба философии, в которой все, кажется, подготовлено к метафизической фатальности рока. От поиска центра в структуре к деконструкции центра и себя. Такими путями шел постструктурализм, чтобы на исходе своей философии начать философствовать снова и своей смертью утвердить вечность начала. Таков Барт, Деррида и иже с ними, таков Фуко...

Генеалогия – прыжок на дно исторического начала, которое низко, а не совершенно. Отсюда «в качестве анализа истока генеалогии – ... артикуляция тела и истории. Она должна показать тело, испещренное историей, и историю, разрушающую тело» [7]. Тело индивидуальное и социальное, тело-гомункул, оживленное властью.

Мы показали, пускай с помощью инсинуаций и множества цитат (но разве возможно говорить об этом иначе?) что представляет собой генеалогия. Теперь нам предстоит выяснить, что есть власть и истина, которую она исследует.

Для Ницше власть – жизненные силы, но не те, которые выражают себя в терминах энергии. Власть, а оттого она и имеет исходное значение, как воздействие чего-то на что-то вопреки сопротивлению, – подавление слабого начала жизни сильным. В этом плане Фуко вкладывает во власть немного иной смысл. Она также является силовым полем жизни, однако проявляется опосредованно, клеточно, без прямого воздействия на объект власти. Она скрыта за серией политических техник, настолько тонких, что социальное тело становится артериальной системой работы этого механизма. Она есть то, что Фуко назвал микрофизикой и биополитикой, идеальной муштрой поведения человека. Введением таких категорий Фуко отказывается от революционных порывов марксизма, которые читаются в сдвиге эпистем «Слов и вещей».

«Обращение к “микрофизике власти” означает для Фуко переход на новый уровень социальной критики, ибо знаменует собою отречение от идеи революционной трансформации общества» [1].

Власть проявляется через конституирование социальных институций, например с помощью специальной архитектуры, дисциплинарных режимов, экзаменационных испытаний, устройства помещений таким образом, что поведение человека становится прозрачным наблюдению и, следовательно, регулируемым. В работе «Надзирать и наказывать» (1975) Фуко демонстрирует проект паноптикума [6, с. 285–337] – социальное пространство особого устройства, в котором каждый индивид помещен в открытое для взгляда наблюдателя поле, при этом сам не видя других. Его сознание властвует над самим собой так, что вовсе отсутствует надобность контроля над ним со стороны субъекта, индивид помещен в такие условия, которые благодаря особой кольцевой геометрии обеспечивают бестелесное подчинение объекта власти. Продолжая развивать данное понятие в «Воле к истине» философ говорит, что власть не является ни подавлением, ни Фемидой закона, ни господством суверена. Она представляет собой множественность отношений сил: «Под властью, мне кажется, следует понимать, прежде всего, множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации; понимать игру, которая путем непрерывных битв и столкновений их трансформирует, усиливает и инвертирует... наконец, под властью следует понимать стратегии, внутри которых эти отношения силы достигают своей действительности, стратегии, общий абрис или же институциональная кристаллизация которых воплощаются в государственных аппаратах, в формулировании закона, в формах социального господства» [5, с. 192].

Власть вездесуща и производит саму себя. Нет чего-то, что могло бы подорвать ее, нет особой формы знания, которая могла бы ее обуздать. Есть только точки сопротивления, рассеянные в силовом поле ее проявлений. Власть является самовоспроизводящей системой, реализуемой через всевозможные политические техники. Даже тюрьмы, ко-

торые должны исправлять человека и не исправляют, не терпят фиаско как гуманный проект перевоспитания. Напротив, данный институт производит делинквентов – индивидов, чье поведение за пределами тюрьмы пойдет на пользу власти. Группой делинквентов легко управлять, надзирать, направлять на менее опасные формы противозаконности. Существует множество реестров, по которым можно отследить дальнейшие действия и передвижения делинквентов. Судебно-медицинская и психиатрическая экспертиза и постоянное порождение дискурсов вокруг индивидов позволит окружить их прозрачностью взгляда множественного Ока. Стало быть, такие институты как полиция, тюрьма, психиатрическая клиника и т. д. являются частью общей властной вселенной, не имеющей ни центра, ни истоков основания, ни субъекта cogito.

Но как власть множит саму себя, с помощью чего она может распространяться вглубь и вширь как динамическая система рассеяний? Фуко полагает, что власть находится в тесной связке с категориями знания и удовольствия.

2. Онтология дискурса в свете категорий «власть-знание-желание»

Возвращаясь к проекту паноптикума, французский мыслитель показывает, что система прозрачного наблюдения не только подчиняет, но и порождает знание, поскольку позволяет «лабораторно» изучать симптомы больного индивида сторонними наблюдателями, такими например как ученики школ. Тем самым крайне некомфортное положение заключенных можно ставить в пример младшему поколению, как знак неповиновения и необразцового образа жизни. Паноптикум позволяет создавать «новые объекты познания на всех поверхностях», новые концепты, новые методики изучения человека для дальнейшей аппликации к объекту. Он – верх «политической анатомии» социального тела, власть как воля к знанию. Тем самым подтверждается еще один тезис Ницше о порождении власти с помощью познания.

К паре «власть-знание» присоединяется категория удовольствия, которой Фуко посвящает работу «История сексуальности». Удовольствие – то, что находится под надзором власти, но и сама власть – удовольствие отправлять саму себя. Раз так, то власть в силу своего самовоспроизводства не подавляет удовольствия, а напротив, расширяет, преумножает отдельные формы сексуальности. Как знание усиливает власть, а власть расширяет знание, так и удовольствие реципрочно власти. В качестве примера Фуко приводит перверсии как некий эффективный инструмент: «...именно благодаря обособлению, усилению и укреплению периферических сексуальностей... отношения власти к сексу и к удовольствию разветвляются и размножаются, размежевывают тело и пропитывают собой различные формы поведения» [5, с. 149].

И то, и другое (знание и удовольствие) благодаря своим экономным принципам порождают и бесчисленные экономические выгоды. Развитие медицины, психиатрии, существование проституции и порнографии повышают цену власти, приумножают ее силы.

Разобравшись с основными понятиями генеалогического проекта, переместим взгляд на взаимодействие языка и культуры в философии Фуко. В одной из статей [4] мы уже обозначили, что посредником между языком и культурой является пространство дискурса как область соизмерения различных культурных продуктов. Дискурсу, в качестве идеального медиатора, отдается приоритет, поскольку, во-первых, знание о диспозитиве тех или иных эпох дается посредством интертекстуальности, архивов текстов, и анализ исследователя есть анализ бытия эпистем в пространстве дискурсивных практик предшествующих и современной эпох. Во-вторых, дискурс – проект онтологии, как вызов всей системе картезианского типа. Онтологии, лишенной субъекта, но, тем не менее, человеческой (поскольку бесконечный текст – это воплощение конечного человека), живущей своей жизнью. Для того чтобы бытие дискурса оживилось, построениям Фуко не хватало шестеренки. Ею, как мы сейчас уже догадались, является триада «власть-знание-желание» во главе с первым элементом. Не следует сводить все силовое поле власти к категории дискурса, она выходит далеко за рамки последнего. Однако дискурс, как проявление власти в речи, безусловно, занимает важное место в философии автора. Соотношение власти и дискурса наиболее отчетливо представлено в работе 1970 г. «Порядок дискурса» и первом томе «Истории сексуальности» (1976). «Порядок дискурса» считают переходным сочинением между периодами археологии знания и генеалогии власти у французского мыслителя. Рассмотрим основные положения данного труда.

Фуко отмечает, что в обществе существуют 3 системы исключения – запрещенное слово, выделение безумия и воля к истине. Все три оказывают непосредственное влияние на формирование дискурса извне, связывают его с желанием, волей к истине и властью. Кроме того, существуют внутренние процедуры контроля дискурсов, такие, как комментарий, автор – центр их связности, «дисциплины», ритуалы и доктрины. Чтобы предоставить дискурс самому себе необходимо перевернуть соотношение внешнего и внутреннего, поменять их местами. Внутренние процедуры контроля станут внешними и наоборот. Теперь источник формирования дискурса будет исходить из власти, желания и воли к истине. Эту идею Фуко развивает в «Истории сексуальности».

Как правило, рассматривать историю сексуальности принято с точки зрения подавления. Есть расхожий миф, что секс был открыт благодаря работам Фрейда. Фуко, напротив, показывает, что рассмотрение механики власти с точки зрения подавления плохо соотносится с тем фактом, что количество дискурсов вокруг темы сексуальности постоян-

но росло. Возникает вопрос, как считать подавление действительным, если оно сеет огромное количество разговоров вокруг, и подавление ли это? На указанный вопрос можно дать отрицательный ответ. Глобальный «дискурсивный факт» говорит лишь об одном – подавление было приманкой, с помощью которой власть проникала в дискурс и «добиралась до самых тонких и самых индивидуальных поведений». Язык власти о сексуальности оттачивался, детализировался, артикулировался и бесконечно накапливался. То, что не произносилось вслух, выводилось в текст и там же его ферментировало. Более того, говорить о сексе через текст было абсолютным побуждением власти. Вокруг ученика или потенциального правонарушителя разрасталась целая библиотека литературы, о сексе говорили сами стены. «Власть, таким образом, взяв на себя заботу о сексуальности», взяла «на себя обязательство входить в соприкосновение с телами» [5, с. 143].

Таким образом, западная культура стала вести бесконечный архив удовольствий и сексуальных практик. И собственно категория сексуальности возникла как коррелят постепенно сложившейся дискурсивной практики. Поэтому, для того чтобы говорить об истории сексуальности, сперва необходимо изучить написанную историю дискурсов о ней: «их внутренние технологии, потребности их функционирования, используемые ими тактики, эффекты власти, которыми дискурсы поддерживаются». Понять, каким образом «власть-удовольствие-истина» взаимодействует с дискурсами, помогут 4 правила, выделенных Фуко:

- правило имманентности – «власть-знание» имманентна дискурсу о сексуальности;
- правило непрерывных вариаций – в рамках дискурса происходит игра отношений сил, которая распыляет власть, не оставляя ее приоритетом кого-либо (например, ребенок подчинен родителям в той же степени как родители психиатру ребенка). Если баланс сил нарушается, то включается «матрица преобразований», регулирующая отношения внутри дискурса;
- правило двойного обусловливания стратегии и тактики, которые образуют диспозитив дискурса;
- правило тактической поливалентности дискурсов.

В дискурсе власть и знание становятся сочлененными таким образом, что норма и отклонение во всех случаях не считаются чем-то выходящим за его границы. Они существуют во множественности дискурсивных элементов. Невозможно не говорить о том, что считается отклонением, отклонение как и норма не являются запрещенными в такой степени, чтобы не войти в дискурс. «Следует признать сложную и неустойчивую игру, в которой дискурс может быть одновременно и инструментом и эффектом власти, но также и препятствием ...точкой сопротивления... Дискурс и перевозит на себе и производит власть» [5, с. 201].

Все 4 правила устанавливают диспозитив сексуальности как «новое распределение удовольствий, дискурсов, истины и власти». И если что-то сопротивляется вхождению в этот диспозитив, то, вполне возможно, оно уже есть часть трансформирующегося дискурса, позволяющая последнему войти благополучно в социально-культурное окружение и скорректировать те или иные нормы рациональности. Таким «не-что» можно считать запрет инцеста, в котором этнологи и культурологи видят «непременный пункт перехода к культуре». Этнология поэтому, рассматривая транскультурную теорию запрета, сыграла не последнюю роль в становлении современного диспозитива сексуальности и рождении под его началом других теоретических дискурсов. Вопросная – проблематизируешь, проблематизируя – вводишь новую грамматику языка.

Итак, дискурс как онтология очертил вокруг себя круг, стал полноценным бытием со своими правилами функционирования, своей изменчивостью и пространственностью. Он стал точкой соприкосновения человека говорящего с открытым жизненным миром культуры. Генеалогический проект языка тем самым завершен. Но он не возвращен к вечному Началу, где мир, вещи, слова рождаются *ab ovo*. На горизонте этого Начала бродит тень того, кто был манкирован. Он, как писал Халиль Джебран, несовершеннейший из племени совершенных, человеческий хаос, туманность смешавшихся стихий, движущийся среди конечных миров. Им, полным страстей, желаний, потенции власти и воли к истине, по иронии случая является Субъект, на фоне возрождения которого маячила смерть Фуко, уход как символ Вечного возвращения.

С завершением генеалогического проекта власти, автор перешел к последнему этапу творчества – анализу «герменевтики субъекта», эстетик существования и заботы о себе (возвращение к хайдеггерианскому тезису). Если в «Словах и вещах» философ подчеркивал особую роль эпохи Ренессанса, которая вновь входит в пространство современного дискурса, то теперь во 2 и 3 томах «Истории сексуальности» сферой его интереса становится Античность, которой подражала и к которой отсылало Возрождение – начало всех начал. Взаимоотношение дискурса и Субъекта в рамках данного периода творчества философа является другой интересной темой исследования, которое выходит за рамки представленной статьи, и которое, возможно, найдет своего нового комментатора.

Список литературы

1. Губман Б.Л. Западная философия культуры XX века. Тверь, 1997.
2. Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.
3. Ницше Ф. Избранные сочинения. М., 1993.
4. Смирнов В.В. Метаморфозы: язык и живопись в философии М. Фуко // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». Тверь, 2012. №

5. Фуко М. Воля к истине. М., 1996.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 1999.
7. Фуко М. Ницше, генеалогия, история.
<http://www.nietzsche.ru/look/xxb/fuko/>

APOLLO AND DIONYSUS'S ORIGINS OF M.FOUCAULT'S POWER GENEALOGY

V.V. Smirnov

Tver State University, Tver

The article is focused on the analysis of M. Foucault's power genealogy in the light of Nietzsche's concept of moral genealogy. The categories of power-knowledge-desire are examined as the integral part of discourse ontology.

Keywords: *power genealogy, genealogy, power-knowledge-desire, panopticon, power microphysics, discourse, discursive practice, sexuality disposition.*

Об авторе:

СМИРНОВ Всеволод Валерьевич – аспирант кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет», e-mail: franknilson@mail.ru

SMIRNOV Vsevolod Valerievich is a Ph.D. student of the Department of Philosophy and Culture Theory, Tver State University, e-mail: franknilson@mail.ru